

*Посвящается моему прадеду — профессору
Михаилу Павловичу ТУШНОВУ*

«Мы к вам, профессор, и вот по какому делу...»

*М. А. Булгаков
«Собачье сердце»*

Москва, 19 сентября 1935 года

Профессор Павел Алексеевич Заблудовский вошел во двор дома на Новинском бульваре и остановился, чтобы перевести дух. Последние дни Павлу Алексеевичу нездоровилось. В конце августа он вернулся в Москву из Кисловодска, загорелый и отдохнувший, и энергично взялся за работу. Но скоро ощущение бодрости куда-то ушло, снова навалилась усталость — словно и не уезжал никуда. Опять стало побаливать сердце. Когда в июне у Заблудовского случился приступ, он впервые подумал о том, что может умереть, что впереди у него не десятилетия и даже не годы, а может быть, месяцы. От мыслей этих становилось не по себе. Он внимательно прислушивался к собственному телу, пытаясь различить тревожные сигналы. Вот и сегодня утром было как-то нехорошо. Жена Серафима Георгиевна отговаривала идти на службу, советовала отлежаться. Но он пересилил себя и отправился в институт. Там ему вроде бы полегчало, но потом снова стало хуже. Павлу Алексеевичу казалось, что он никак не может сделать глубокий вдох, и это не давало ему сосредоточиться на работе. Промаявшись до обеда, Заблудовский собрал бумаги и поехал домой. И вот теперь оставалось подняться к себе наверх и прилечь. Но Павел Алексеевич медлил, ему хотелось побыть на воздухе. Он сел на скамейку возле

подъезда и прикрыл глаза. «Что-то со мной не так, что-то со мной определенно не так», — размышлял он. Сердце снова заныло. Заблудовский положил ладонь на левую сторону груди и нащупал конверт во внутреннем кармане пиджака. Там лежало письмо на имя наркомздрава Каминского, копия — начальнику Лечебно-санитарного управления Кремля Ходоровскому.

«А может быть, оно не нужно? — подумал профессор о письме. — Что смогут сделать Каминский и Ходоровский, если за всем этим стоит НКВД? Тогда все предстает в ином свете. Неужели Борис в этом участвует? Он изменился в последнее время. Раньше был спокойным, даже флегматичным, а теперь в нем появился какой-то надрыв. Как он сказал тогда, на дне рождения Ариадны? “Я чувствую себя грешником, которого отпустили из ада на землю, а срока не установили... Гуляй, пока не позовем обратно...” Он, кажется, был сильно пьян. И этого тоже за ним раньше не водилось. Я еще тогда подумал: что с ним происходит? И Серафима тоже заметила перемену. Написала мне в Кисловодск: “Борис играет странную роль”. Да, именно так — играет странную роль... Что же делать? А если меня арестуют?»

От этой мысли Павел Алексеевич холодел.

«Если со мной что-то случится, что станет с Серафимой и Ариадной? Как они будут без меня? всю жизнь я старался сделать так, чтобы они ни в чем не нуждались. Ограждал, оберегал. Хотел как лучше, а получилось... Господи! А что станет с лабораторией? С исследованиями? Столько сил положено... Кому передать? Ариадна еще слишком молода и неопытна. Думал, Борис продолжит дело... Но теперь как же?»

— С вами все в порядке, профессор? — вдруг раздался у Заблудовского над ухом низкий хрипловатый голос.

Павел Алексеевич от неожиданности вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стоял управдом Моисей Маркович, хмурый, неприветливый мужик в полувоенном френче. «Господи, как его фамилия? — заволновался Павел Алексеевич. — Брондер? Шмондер? Не помню!»

— Ничего-ничего, все в порядке! — ответил он управдому. — Просто присел отдохнуть...

— Понятно, — сказал управдом и зашагал прочь.

«Неприятный тип, — подумал профессор, глядя вслед удаляющейся фигуре. — Борис говорит, что все управдомы, дворники и дежурные в подъездах — сотрудники НКВД. Неужели правда?.. О чем я думал? Ах да! Что будет с лабораторией?..»

Передышка пошла Заблудовскому на пользу, он почувствовал себя лучше, и это сразу отразилось на ходе его мыслей.

«Нет, нельзя падать духом! — подумал он. — В конце концов, я — известный человек, я на хорошем счету, мне доверяют, среди моих пациентов очень влиятельные люди... Почему должно случиться что-то плохое?»

Заблудовский поднялся и направился к подъезду.

— Здравствуйте, профессор, — поздоровалась с Павлом Алексеевичем консьержка, молодая женщина с простым широким лицом. — Что-то вы рано сегодня?

— Да вот нездоровится, — неопределенно сказал он и пошел к лифту.

Поднявшись к себе на пятый этаж, Павел Алексеевич позвонил в дверь. Постоял несколько секунд, потом спохватился: ведь дома нет никого. Жена Серафима Георгиевна уехала в гости к знакомым в Сокольники. Дочь Ариадна была на работе. А домработница Анна Ивановна взяла выходной.

Академик отпер дверь и вступил в полутемную прихожую. Они с Симой и Ариадной жили в этой квартире уже

почти три года, но Павел Алексеевич все не мог привыкнуть и чувствовал себя как в гостинице. Заблудовским едва ли не первым предложили переехать в только что отстроенный дом на Садовом кольце и самим выбрать себе квартиру. Профессор даже удивился: с чего такие почести? Он помнил, как они с Серафимой приехали рано утром на поезде из Казани и их повезли по незнакомым московским улицам. Сопровождавший Заблудовских сотрудник хозяйственного управления Совнаркома РСФСР всю дорогу нахваливал им будущее жилье. Официально дом находился в ведении республиканского правительства. Первый подъезд отдали ученым, третий — народным комиссарам, а посередине, во втором, публика была чином пониже, и квартиры там были поменьше. Заблудовские выбрали просторную четырехкомнатную квартиру на пятом этаже. С левой стороны длинного коридора располагались столовая и комната Ариадны, с правой — спальня и кабинет. Из прихожей проход вел направо — в кухню, царство Анны Ивановны.

...Навстречу профессору из столовой вышел кот Лобан. У Павла Алексеевича с ним был вооруженный нейтралитет. Лобан был нрава замкнутого и злого. Хозяйкой признавал Серафиму Георгиевну и только ей позволял гладить себя. Всех остальных членов семьи игнорировал. Лобан остановился посреди прихожей, равнодушно посмотрел на профессора и двинулся на кухню. Павел Алексеевич проводил его взглядом, потом разулся, надел домашние туфли и хотел было пройти в кабинет, как вдруг ему почудилось, что в квартире кто-то есть. Он остановился и прислушался. Нет, тишина. Показалось, наверное. И вдруг дверь столовой стала медленно открываться. Заблудовский вздрогнул. На пороге комнаты показался человек.

— Вы? — удивленно спросил академик...

Серафима Георгиевна Заблудовская вернулась домой около семи вечера. Уже смеркалось. Навстречу ей выбежал Лобан и жалобно мяукнул. Серафима Георгиевна зажгла свет.

— Павлуша? — окликнула она, увидев на вешалке пальто мужа. — Ты дома?

Никто не ответил.

Серафима Георгиевна прошла по коридору, заглядывая в комнаты — в спальню, в кабинет. Никого. Потом открыла дверь столовой. На узком диванчике, повернувшись лицом к стене, лежал Павел Алексеевич. Ноги его были укрыты шерстяным клетчатым пледом.

— Павел, — негромко окликнула мужа Серафима Георгиевна, — ты спишь?

Павел Алексеевич не ответил. Серафима Георгиевна на цыпочках подошла к дивану, наклонилась к мужу, стараясь уловить его дыхание, но ничего не услышала. Тогда она взяла Павла Алексеевича за руку и почувствовала, как та холодна. Серафима Георгиевна схватила мужа за плечо и резким движением повернула его на спину. Павел Алексеевич Заблудовский был мертв.

— А-а-ах! — вскрикнула Серафима Георгиевна и бросилась в телефону.

Москва, 20 сентября 1935 года

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

19 сентября от припадка грудной жабы внезапно скончался известный ученый профессор Павел Алексеевич Заблудовский. Он широко известен врачебному миру как у нас в Союзе, так и за границей, как автор учения о гистолитах и основоположник лизатотерапии — нового метода лечения, давшего возможность многим сотням больных

восстановить свою трудоспособность. Академик Заблудовский являлся подлинным новатором, революционизировавшим современную медицину и давшим в руки врачей новый метод активной терапии в целом ряде патологических процессов. Настойчиво разрабатывая свою теорию, профессор Заблудовский был вдохновителем и руководителем целого ряда работ о лизатах. В последние два года своей жизни Павел Алексеевич с увлечением отдался делу организации своей лаборатории во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, идея создания которого была так горячо встречена научными кругами нашего Союза. Смерть профессора Заблудовского является тяжелой утратой для советской науки, потерявшей в его лице крупного и талантливого ученого.

Г. Н. Каминский (нарком здравоохранения РСФСР), В. А. Кангелари, М. Г. Гуревич, С. И. Каплун, Л. Н. Федоров, А. И. Абрикосов, И. П. Разенков, А. Д. Сперанский, Б. Н. Лаврентьев, Н. А. Шерешевский, И. И. Ходоровский, Я. Б. Левинсон, Н. Б. Кроль, Е. С. Беньяминсон, Ф. Р. Бородулин, Д. А. Тайц, И. Ю. Домбе, М. П. Кончаловский, П. Ф. Здродовский, Б. Л. Исаченко, В. С. Левит, П. Я. Мытник, И. С. Метальников.

Нью-Йорк, 21 сентября 1935 года

ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ УМЕР В МОСКВЕ
В ВОЗРАСТЕ 56 ЛЕТ

Москва, 20 сентября (АП). — Д-р Павел А. Заблудовский, всемирно известный ученый, умер сегодня в Москве в возрасте 56 лет. После многолетних экспериментов в Казанском ветеринарном институте профессор Заблудовский пришел к выводу, что человеческая жизнь может длиться

в среднем 150 лет, если все ткани и органы будут изнашиваться равномерно. Шесть лет назад он заявил о том, что в результате длительных научных исследований ему удалось создать препараты, которые во многих случаях давали эффект омоложения организма, подобный тому, какого добивались профессора Штейнах и Воронов.

Нью-Йорк — Москва, 11 октября 1935 года

Дорогие, родные Симочка и Риночка!

Нераздельно с вами переживаем наше общее тяжкое горе: мы не можем удержаться от слез и все время скорбим душевно. Великое горе! Горячо любимый брат, муж и отец и какой большой человек ушел от нас! Ваше письмо с дорогой печальной карточкой мы получили два дня назад, но положительно не могли что-либо написать, сердце разрывалось от боли. Первую весть об этом событии мы получили 21 сентября утром из редакции русской газеты, откуда звонил наш приятель и спросил сведения о Пашеньке. Когда я спросил его, зачем понадобилось это, он сказал, что во всех американских газетах напечатаны телеграммы из Москвы о кончине профессора П. А. Заблудовского с сообщением данных о его карьере большого мирового ученого. Я как громом был поражен и не мог никак поверить, воспринять это горе. Мы с Анечкой совершенно были обессилены. У нас была все время какая-то тайная надежда, может быть, это не правда — ошибка! Сейчас уж мы купили американские газеты (Times, New York American) и сами лично прочитали эту ужасную для нас весть. Не дожидаясь сообщения от вас, мы отправили телеграмму и до получения от вас хотя бы короткого сообщения не решались писать. Письмо пришло как раз в день моего Ангела. Мы рыдали, как дети, — нашего родного,

бесконечно нам дорогого Пашеньки не стало. Конечно, переносить это горе вместе было бы легче! Боязнь за Пашенькину жизнь у меня явилась после его письма с описанием первого припадка. Мне было ясно, что он — не жилец, но ведь когда это касается близкого человека, то не хочешь, не можешь этому верить. Я не знаю, получили ли вы наше большое письмо, где мы его умоляли беречь себя. Последнее письмо от Пашеньки мы получили из Кисловодска, где он писал, что чувствует себя хорошо, загорел, посвежел и к 29 августа собирался в Москву. В Кисловодске Пашенька снимался с группой отдыхающих. Если бы можно было получить его карточку оттуда, мы бы очень просили прислать нам. В гробу Пашенька лежит, как будто уснул, лицо спокойное. Нам удалось достать московские газеты «Известия» от 20 и 21 сентября, и мы читали статьи, посвященные памяти Пашеньки, и многочисленные объявления. Если можно, пришлите нам «Правду» от 20, 21 сентября, а также более поздние номера, где есть какие-либо заметки о Пашеньке. В New York'е я нигде не мог достать — все распродано.

В Обществе врачей я выступал со словом, посвященным памяти нашего дорогого ученого. Во всех русских газетах были напечатаны большие заметки. Мы получили лично много сочувствий от самых разнообразных лиц.

Мы служили панихиды в воскресенье 22 сентября, потом на 9 и 20 день со дня кончины. Будем служить на 40 день.

Дорогие родные! Не убивайтесь. Помните, что он всегда был философом. Он ушел преждевременно в расцвете своих умственных и моральных сил, но он жив и будет жить долго, долго. Он оставил глубокий блестящий след в науке — его учение расцветет, углубится и явится самым лучшим памятником о нем!

В наших сердцах он не может умереть. Никакие расстояния не могли ослабить нашу связь, душевную родственность и близость. Любим вас очень. Мы думаем, что вы не должны покидать Москвы и очень просим вас об этом. Ариадна лучше всего может продолжить свою научную работу и стать достойным заместителем своего славного отца. Это можно делать только в центре! Более приятного для памяти Пашеньки она не могла бы сделать. Ведь он был фанатиком науки. Мы понимаем прекрасно, как вам обоим тяжело, мы всегда душой с вами. Мы будем часто писать. Сейчас все в голове путается. Милые, сохраните в неприкосновенности все Пашенькины рукописи и все разберите, когда будете более спокойны. Не уничтожайте ничего — умоляем вас!

Целуем вас очень горячо, крепко обнимаем, как самых дорогих и близких.

Всегда уоиг Аня и Сережа Заблудовские.

Москва, наши дни

Я вошел в кабинет, и в ту же самую секунду на столе зазвонил телефон.

— Ну, сейчас, сейчас!

Я бросил сумку на стул, снял плащ и аккуратно повесил его на плечики. Телефон продолжал звонить. «Кто ж это такой настойчивый?» Я подошел к висевшему на стене календарю и передвинул красную пластиковую рамку. Отодвинул кресло и сел. Расстегнул пиджак. Бросил в корзину старые газеты. Окинул кабинет взглядом. Кажется, все, больше никаких причин оттягивать разговор не было. Я потянулся к трубке, и в этот момент телефон замолчал. «Ну, и ладно, — подумал я и включил компьютер. — Кофе, что ли, выпить? Спать хочется смертельно...» Но в эту се-